

НАРОДНАЯ ПРИЧЕТЬ КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ЖАНР

Сложность жанрового определения причети состоит в том, что жанровые ее границы не вмещаются в рамки известных нам родовых понятий. Еще А. Н. Веселовский относил причитания к синкретической поэзии.¹ В. Я. Пропп вынужден был признать, что «причитания занимают промежуточное положение между поэзией эпической, лирической и обрядовой. По силе эмоций, выраженных в них, они относятся к области лирики, по формам бытования — к обрядовой поэзии, а по наличию в них нарративных элементов они близки к поэзии эпической».²

Предлагая свою классификацию жанров фольклора, В. Я. Пропп выделяет причитания в особую область поэзии, внутри которой «имеется три жанра: два обрядовых — свадебные и похоронные, и один необрядовый, куда входят причитания рекрутские и другие, связанные с бедствиями военного времени, а также плачи, связанные с различными несчастиями старой крестьянской жизни».³ Идея В. Я. Проппа развита Т. И. Орнатской: «Приняв в качестве основного принципа жанрового выделения принцип бытового применения, мы выделяем из широкого, родового понятия — причитания — следующие самостоятельные жанры: 1) причитания похоронные и особый вид их — поминальные; 2) причитания необрядовые (бытовые); 3) причитания рекрутские; 4) причитания свадебные».⁴ Здесь причитания сближаются с родом поэзии, наряду с эпосом, лирикой и драмой.

В. Г. Базанов и А. П. Разумова свой сборник причитаний, записанных в годы войны, назвали «Русская народно-бытовая лирика»,⁵ тем самым поставив причитания в один ряд с лирическими жанрами. В. Е. Гусев относит причитания к переходной форме лирического рода — лирико-драматической, но все же причисляет все причитания к одному жанру.⁶ Нам близка точка зрения К. В. Чистова, который неоднократно утверждал, что причеть является единым жанром.⁷ Однако в задачи К. В. Чистова не входило обоснование этого положения.

В фольклористике существуют различные определения понятия жанр.⁸ В нашем исследовании жанровых особенностей причети мы будем отталкиваться от некоторых положений В. Я. Проппа. Ученый справедливо отмечал, что жанр определяется его поэтикой, бытовым применением, формой исполнения и отношением к музыке. В. Я. Пропп так представлял для себя путь исследова-

¹ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 232—236.

² Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 105.

³ Там же. С. 69.

⁴ Орнатская Т. И. Причитания в русской фольклорной традиции: Автореф. канд. дис. Л., 1969.

С. 10.

⁵ Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера / В записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. М.; Л., 1962. (Далее ссылки на этот сборник даются в тексте сокращенно: ПС).

⁶ Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967. С. 162.

⁷ Русская народная поэзия: Обрядовая поэзия / Сост. и подг. текста К. Чистова и Б. Чистовой. Л., 1984. С. 19.

⁸ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 46; Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962. С. 25; Анкин В. П. Возникновение жанров в фольклоре: (к определению понятия жанра и его признаков) // Русский фольклор. М.; Л., 1966. Т. 10. С. 29; Гусев В. Е. Указ. соч. С. 110; и др.

ния фольклорных жанров: «Для каждого народа нужно установить жанровый состав его фольклора и дать определение всех жанров. . . Когда будет решена эта первая основная задача, окажется необходимым, с одной стороны, установить те более общие и широкие категории, к которым жанр восходит, с другой — разбить жанр на более мелкие и дробные категории, на которые он распадается, то есть включить его в систему классификации в целом».⁹

Чтобы нам определить положение причитаний среди других фольклорных жанров, надо выяснить, к какому поэтическому роду их можно отнести. Далее для выявления жанровых особенностей причети необходимо более конкретно рассмотреть ее структуру. При этом обрядовые причитания непременно следует изучать в связи с ритуальным действием. Только после этого можно будет рассмотреть внутрижанровую классификацию причети.

С нашей точки зрения, причитания — это единый жанр лиро-эпической поэзии, объединенный общностью социально-бытовой функции, спецификой структуры, содержания и поэтического строя, характером исполнения и музыкального оформления.

Причет имеет давнюю историю и, как особый вид народного творчества, занимает особое место среди других поэтических жанров. Причитания в народной традиции исполнялись в переломные моменты жизни человека. Русская женщина причитала на своей свадьбе, на похоронах близких ей людей, при проводах в солдаты своего мужа, сыновей, братьев. Эти события неизбежно повторялись в жизни каждой крестьянки и круто меняли ее судьбу. Причитания стали органической частью обрядов, связанных с этими драматическими событиями. В них исполнительницы стремились выразить свои чувства, «выплакать свое горе». Причитания обязательно исполнялись «на миру», при большом стечении народа.

Однако причитания могли возникать и в связи с другими крестьянскими бедами: неурожаем, пожаром, разорением, болезнью и пр. Такие причитания могли исполняться для себя, без свидетелей и особой обрядовой обстановки. Вызывались они потребностью выплакать наболевшее. В таких причитаниях особо сильно звучали социальные мотивы. Именно в причитаниях русская крестьянка проявила смелость и самостоятельность мысли, достигла художественных высот. Однако долгое время причеть считалась обыденной поэзией, недостойной внимания читателей и науки. И только во второй половине XIX века появляется интерес к этому жанру русского фольклора, чему способствовали публикации П. Н. Рыбникова и Е. В. Барсова.¹⁰ К этому времени причеть представляла собой художественно развитый и отточенный мастерством многих безвестных воплениц жанр.

Обычно причитание состоит из повествования о случившемся и из сетований, выражения чувств исполнительницы. В народе бытует удачное название этих частей причети: «заплачка» и «обидные стихи», что соответствует эпическому и лирическому началам в причети.

Рассмотрим более подробно, как и в каких формах проявляется эпическое начало¹¹ в причети.

⁹ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 39.

¹⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1910. Т. 3; Барсов Е. В. Причтания Северного края. Ч. 1: Плачи похоронные, надгробные и поминальные. М., 1872; Ч. 2: Плачи военные, рекрутские и солдатские. М., 1882; Ч. 3: Плачи свадебные, заручные, гостиные, баенные и предвенечные // Чтения общества истории и древностей российских при Московском университете. 1885. Кн. 3. (Далее ссылки на это издание даются в тексте скращенно: Барсов).

¹¹ «Литературный энциклопедический словарь» (М., 1987) определяет эпос как «род литературный», «охватывающий бытие в его пластич. объемности, пространственно-временной протяженности и событийной насыщенности (сюжетность)» (С. 329).

В похоронных причитаниях «заплачкой» является рассказ об обстоятельствах смерти покойного. Если в причитаниях, исполнявшихся сразу после смерти, только констатируется сам факт смерти, то в поминальных причитаниях описание причин и обстоятельств смерти становится более подробным и пространным. Вероятно, по прошествии времени причетница пыталась восстановить в памяти происшедшее, «войти в образ горя», чтобы точнее передать потом свои чувства. Так, в плаче «По дочке, утонувшей в Печоре» исполнительница А. К. Носова обращается к дочери:

Ты одна была да одинёхонька,
Не на это была да ты у мя рожена,
Не на это ли была подымана,
Что случится над тобой да это сдёется,
Ты пойдешь, моя да лебедь белая,
На матушку да на быстру реку,
Во кормилицу да золоту струю,
Ты станешь, моя, да купатися,
Во матушке да во быстрой реке,
Во кормилице да в золотой струе.
Подманит тя да мать — быстра река,
Обманет тя да ключева вода,
Снесло тя, да лебедь белую,
Смыла тя, ключева вода,
Сгубила тя да душу грешную,
Без прошеньца, без покоенъца.

(ПС. С. 87—88)

В этом описании нет бытовых подробностей, по которым можно узнать, какую именно девушку оплакивают. Так могла причитать любая мать над своей утонувшей дочерью. Вероятно, свидетелей происшедшего не было. Талантливая исполнительница пытается в причитании воссоздать картину случившегося. Высоко-художественный язык причета передает величину материнского горя, поэтически возвышает саму гибель девушки.

В свадебных причитаниях обычно повествуется о происшедших уже обрядовых действиях. Вот как, например, невеста рассказывала о своем просватанье:

Как во вчерашний да во божий день,
Да в обыку, да пору-времечко,
Выходила да молодешенька
Во широку да плоску улицу,
Да как гледела да я молодешенька
Во все четыре стороны
Что во первой во сторонушке
Ветры буйные да убивалися,
Во второй-то круты горы содвигалися,
Что во третьей да во сторонушке —
Реки быстрые да стекалися,
Во четвертой да во сторонушке —
Звезды ярко да загоралися.

Невеста по-своему истолковывает увиденное:

Што во первой да во сторонушке
Не ветры буйные убивалися,
Как убивалася я, да молодешенька;
Во второй да во сторонушке
Не круты горы содвигалися —
Как содвигала моя матушка,
Содвигала да голубушка
Столы браные дубовые
Стлала скатерти да браные,
Несла явства да сахарные,

Ставила да пятья пьяные;
 Что во третьей во сторонушке
 Не реки быстры да стекалися —
 Да протекали горючи слезы
 По моему да лицу белому,
 По моему лицу румяному;
 Во четвертой да во сторонушке
 Не звезды ясны загоралися,
 А засвичали да сударь-батюшка
 Во свечи да воскопрышны
 Свича воску да московского,
 Литья да белозерского,
 Она купцей да наших итольских.¹²

В исполнении простой крестьянки рассказ о ходе обряда становится поэзией. Само обрядовое действие, событийность свадебного ритуала составляют содержание причети. Однако одновременно с этим событийность настолько остро и эмоционально воспринимается, что приобретает лирическую окраску. И это не случайно, так как невеста рассказывает о событиях, которые резко меняют ее дальнейшую жизнь.

В рекрутских причитаниях повествуется о наборе на службу:

Нонь как этым учетным долгим гόдышком
 И сочинилась грозна служба государева,
 И сволновался непрятель земли русской,
 И присылати стали указы государевы,
 И собирать стали удалых добрых мόлодцев
 Как на сходку ведь теперь да на общественну,
 И тут писать стали удалых добрых мόлодцев
 Да на этот на гербовой лист-бумаженьку,
 И призывать стали судый неправосудный,
 И все ко этым ко жеребьям дубовыми.
 Уж как этии удалы добры мόлодцы
 И перед гόспода глаза да ведь крестили
 И богородице молитовку творили;
 И оны брали жеребья да тут дубовыи:
 И пойти надо тут во службу государеву.

(Барсов. Ч. 2. С. 1—2)

Это отрывок из известного «Плача о холостом рекруте» Ирины Федосовой. Безусловно, основная заслуга в создании такого эпического полотна принадлежит талантливой вопленице, но ведь она создавала свои произведения в русле заонежской причетной традиции. В данном плаче речь идет о наборе рекрутов на войну путем жеребьевки. Возможно, этим объясняется величина и особая обостренность несчастья близких рекрута, провожающих его на верную гибель. Народная поэтесса возвышает набор рекрутов одной из олонецких деревень до общегосударственных масштабов.

Повествование другого рода встречаем мы в бытовой причети. Заплачкой в таких причитаниях может служить описание случившейся беды. Например, в «Плаче после пожара» А. М. Пашковой речь идет о случае, в результате которого в то время, когда все жители были на сенокосе, от одной зажженной свечки сгорела вся деревня:

Уж как век чего не думали,
 Уж как век чего не гáдали.
 Уж как глупая-то женщина,
 Неразумна молода жена
 Зажигала воскову свечу

¹² ИРЛИ. РУ. Колл. 148. П. 1. № 1. С. 70—73.

Перед чудным перед образом.
 Верно она богу не угодная,
 Ее свеча да недоходная.
 Как от той от восковой свечи
 Показались дымочки,
 Запылали огонечки
 По крестьянской по деревенке.
 Потеряли мы селеньице,
 Все хоромное строеньице,
 Все крестьянско заведеньице.
 Все огнем просветилося,
 Головней все покатилося.¹³

Описание в этом причтании строго и лаконично. Вопленица использует традиционный для притчи мотив поиска причины случившегося: в пожаре виновата «неугодная богу» молодая женщина.

В бытовых причтаниях часто встречается описание собственной жизни вопленицы. Такие причтания сами исполнители называют «Об одинокой доле», «О своей жизни». Вот один из примеров таких причтаний:

Я росла бедна, горе злосчастная,
 Я с измалых лет да с измалечства
 Во чужих-то да во добрых людях,
 Не отцом будто была засеяна,
 А не матерью была будто спорожена.
 Меня засеяли будто буйны ветры,
 Меня спородила да мать сыра земля.
 Я живу бедна, горе злосчастная,
 Во чужих-то да во добрых людях,
 От буйна ветра нету застáвицы,
 Да от мокра дождя нету закрылины,
 А от добрых людей да мне защитушки.

(ПС. С. 183—184)

Дальше вопленица описывает тяжелую жизнь в чужих людях, куда ее отдали родители, сами жившие в большой бедности. Жизнь в замужестве тоже была тяжелой. Надо было вырастить и выучить всех детей. Всех она проводила на Отечественную войну и теперь ждет от них весточки.

В этом причтании исполнительница неторопливо развертывает связную цепь воспоминаний своей жизни. Это и определяет содержание и композицию подобных плачей. Вместе с тем обыденное, казалось бы, описание проникнуто драматизмом и лиричностью личных переживаний вопленицы.

Таким образом, «заплачкой» в притчи является описание обстоятельств, вызвавших плач, или завершившихся обрядовых действий. Однако все эти описания проникнуты лиризмом личного горя.

В причтаниях, исполнявшихся непосредственно в обрядовой обстановке, притчница описывала все, что происходило в данный момент, или комментировала свои действия. Так, например, в похоронном причтании, исполнявшемся во время обряжения покойного, мать причитала над сыном:

Уж последний я разок тебя да омываю,
 Уж последний разок я тебя да снаряжаю.
 И последний раз я тебя да одеваю,
 Уж чернú голову да я тебе зачесаю,
 Уж кладу я тебе да в правú руку,
 Уж во праву руку да я белой платок,
 А во леву руку да я расчёсточку...¹⁴

¹³ Русские плачи Карелии / Подг. текстов и примеч. М. М. Михайлова. Петрозаводск, 1940. С. 96.

¹⁴ Обрядовая поэзия Пинежья / Под ред. Н. И. Савушкиной. М., 1980. С. 143—144.

Когда за рекрутами приезжали земские власти, мать вопила:

И прошел денечик теперь да не видаютца,
И красно солнышко ко западу движается,
И ко крылеччику судьи да подъезжают:
И тут подогнаны ступисты лошадушки,
И не по разуму любими хоть извоючки,
И про сердечное рожено мое дитятко.
И по фатерушки судьи да все похаживают,
И добра молодца оны все понаряживают...

(Барсов. Ч. 2. С. 4)

В утре свадебного дня невеста вставала с лавки и начинала причитать:

Уж я встану молодешенька
На свои на ноги резвяя.
Посмотрю, мои подруженьки
Все умылись, причесались,
Только мне одной не надобно
Ни воды, ни полотенчка,
Я умоюсь бедна горькая
Во тоске слезами горькими,
Я утру не полотенчиком
А руками лицо белое,
Мне не надо дорогих румян —
Горе злое наrumянило,
Мне не надо дорогих белил —
От горючих слез бело лицо.¹⁵

В обрядовой обстановке комментирование в тексте причитания происходящего в данный момент обряда несло функцию закрепления обрядовых действий словом.

И повествование о прошедшем и комментирование тесно связаны с ходом обряда или с обстоятельствами, вызвавшими причеть (смерть, несчастный случай). Следует при этом сказать, что эпическое начало проявляется в причитаниях также в описаниях и образах, рожденных фантазией исполнителей.

Накануне венчания подруги невесты ходили топить для нее обрядовую баню. В одном из причетов подруги, вернувшись домой, рассказывают невесте, как они готовили для нее баню-парушу:

Мы сходили же, подруженька,
К кузнецам да и ко мастерам,
И мы сковали же, подруженька,
По топору себе по вострому.
Да и сходили же, подруженька,
Мы во леса-то во темные
И во дубравушки зеленые,
Да мы срубили же, подруженька,
По бревнышку по еловому,
А по другому по сосновому.
Во сырьу пору ронено
И по белу снегу катано,
И на добрых конях вожено,
И на красе оно поставлено,
На круто-красчатом бережке,
И на реке на матке Корбанге.

И мы сходили же, подруженька,
И во болото на подкраину
По чиняговые венички,
Мы наломали да наладили
И на колодинке оставили.
И мы срубили же, подруженька,
Тебе мы теплую парушу.
Да как у нашей теплой паруши
Плотнички московские,
Работнички-то петербургские.
И порубили же у паруши
И трои двери стеклянные,
И ободверинки хрустальные,
И порубили у паруши
Три окошечка косящатые.¹⁶

¹⁵ Четверухин Н. Янгосар // Вологодские губернские ведомости. 1866. № 4. С. 111.

¹⁶ Вологодский фольклор / Сост., примеч. и вступ. ст. И. В. Ефремова. Северо-Зап. изд-во, 1975. № 21. С. 90.

Здесь явно проявляется стремление исполнительницы к идеализации, поэтическому воспеванию реального обряда. В причитании описаны реальные действия при строительстве бани. Однако известно, что баню рубили не подруги невесты и делалось это не накануне свадьбы. Да и сама баня со стеклянными дверями и хрустальными ободверинками больше похожа на сказочную. Это идеальный образ бани. Так реальное сочетается с идеальным, из обыденных действий рождается поэзия.

В причитаниях встречаются также описания, не связанные с ходом обряда, а рожденные представлениями крестьян. Примером может служить легенда о происхождении горя в знаменитом «Плаче о писаре» И. Федосовой (Барсов. Ч. 1. С. 288—293).

Таким образом, мы видим, что эпическое начало в причети проявляется довольно ощутимо и в разных формах. К этому следует добавить, что в музыкальных напевах причети также обнаруживается близость к эпическим напевам. Так, музыковед С. Пьянкова, характеризуя свадебные напевы, отмечает: «Двухфразные плачи Ленинградской области по складу речитативны, напевы развиваются спокойно, в них явно ощущается эпическое начало. В ряде же плачей можно указать и на прямое сходство с былинным рябининским напевом, особенно со второй его частью».¹⁷ Среди экспедиционных материалов ленинградской консерватории имеются свадебные причитания на былинный напев, записанные в Белозерском районе Вологодской области.

Но причитания — это еще и способ самовыражения, выражения своих чувств и внутреннего состояния. Причеть — это своего рода исповедь на миру. Поэтому естественно, что наряду с эпическим в причитаниях проявляется и лирическое начало.¹⁸ В похоронных причитаниях это выражение чувств родных покойного, связанных с потерей близкого человека, укоры в том, что он их оставил, представление тягот и невзгод, которые ожидают семью после смерти родного человека.

Так, в похоронном плаче по мужу исполнительница причитает:

Ты, умершая головушка,
Ты оставил меня, бедушку,
Будто утушку с дитятами,
Будто курушку с цыплятами,
А то меня, бедну, с ребятами.
Ведь я годами молодехонька,
Я несчастница полнехонька.
Как я жить буду, победная,
Во вдовином прозванице,
Во несчастном воскликанице,
Как возврёстить детей малых.
Ты, умершая головушка,

Ведь у меня, бедной горюшицы,
Все хоромное строенице
Все пустым будет пустехонько;
Будет в доме холоднехонько;
Во почесном во большом углу,
Там зима будет холодная
Со крещенскими морозами,
Во пецном углу на лавоцке
Я, вдова многопобедная,
Как орлица со дитятами
Сижу я, бедна, с ребятами.¹⁹

Проводы рекрута для семьи почти всегда были потерей работника, а часто и главного кормильца. Мать рекрута страшила надвигающаяся старость, жену — жизнь без поддержки. Все это и нашло свое отражение в рекрутских причитаниях:

¹⁷ Пьянкова С. Некоторые особенности напевов в русской свадьбе // Проблемы музыкального фольклора народов СССР. М., 1973. С. 23.

¹⁸ «...Лирика, запечатлевая внутр. мир личности в его импульсивности и спонтанности, в становлении и смене впечатлений, грез, настроений, ассоциаций, медитаций, рефлексий (экспрессивность)» (Литературный энцикл. словарь. С. 329).

¹⁹ Русские плачи Карелии. С. 102—103.

Уж я старая стала, залетная,
Уж я хворая да нездоровая,
Я больная, горе, да я увечная,
Приупешили мои резвы ноги,
Приулали мои да могучи плечи,
Приробились да руки белые,
Притутились да очи глупые,
Притутились да примутились,
Смешался мой да еще ум-разум,
Ум-разум да мой с разумом.
Я на ногах хожу да запинаюсь,

На речах баю да ошибаюсь,
Ошибкаюсь да забываюсь,
Меня некому да, бедну, приздрети,
Меня некому да приголубити.
Спроводила я да в путь-дорожечку
На чужу да дальну сторону
Я любимого да внукушка,
Я двоюродных да милых брателков,
Я двух своих любимых племянников,
Я двух любимых да милых зятелков.
На чужу да дальну сторону.

(ПС. С. 120—121)

Если же причет ведется от лица самого рекрута, то в нем можно найти упреки к родным, что отдают его в солдаты.²⁰

В свадебных причтаниях невеста с упреками и жалобами обращалась к родителям. Она корила родителей за то, что рано выдают ее замуж, что не послушали ее просьб и просватали, напоминает о своем трудолюбии и прележании в девичестве:

Падкие, жалостливые,
Кроткие милостливые;
Ты родимый мой батюшка
И родная матушка,
Что горозно же гороздно,
Видно вам надоскутила.
Вы меня запоручили
За поруки за крепкие,
За замки за железные.
Видно хлебом обкушала,
Цветным платьем обносила,
Чеботами обтопала,
Да половички прогнила.
Вы меня запоручили
На чужу-дальню сторону,
За чужова чуженина,
Ко чужим лихим людям.²¹

Невеста стремилась выразить свое эмоциональное состояние на всех этапах свадьбы. Нередко ее причтания превращались в своеобразные лирические отступления в ходе самого обряда. Таково, например, причтание во время рукобитья:

Уж вы, мои баженыё,
Мни куды деваттсё
Куды прислонитисё.
Вить, мои родители,
Охти! отказалисё
Мни в воду броситце;
Наша Усья славная
Не примат девичи.
Мни в гору броситцё,
Гора не отворитцё.²²

В бытовых причтаниях можно встретить схожие лирические возгласы. Так, в плаче по больному сыну исполнительница пытается выразить безысходность своего горя.

²⁰ Причтания / Вступ. статья и примеч. К. В. Чистова. Л., 1960. С. 159. (Б-ка поэта, большая серия).

²¹ ИРЛИ. РУ. Колл. 204. П. 1. № 2. С. 61—62.

²² Воронов. Вельские свадебные обряды и причты // Этнографический сборник. СПб., 1862. Вып. 5. С. 27.

Я не знаю куда с горя броситься,
 Не знаю куда с горя кинуться.
 Я пойду брошуся да лучше кинуся
 Во быстрой субой да мать быстру реку,
 Я потоплю себя, я погублю себя,
 Либо пойду, бедна злосчастная,
 Во темны леса да во дремучие,
 Пусть заблужуся там, горюха бессчастная,
 Пусть растерзают меня звери лютые.

(ПС. С. 66)

Таким образом, лирическое начало в текстах притчаний проявляется в сетованиях исполнительницы и в попытках выразить свое эмоциональное состояние. Как мы видели, оно представлено менее разнообразно, однако занимает в притчаниях значительное место.

В живой ткани притчи заплачка и обидные стихи могут быть тесно переплетены или строго разделены. При этом обидные стихи, поскольку они передавали сходные, регламентированные самим обрядом чувства, могли выливаться в устойчивые для определенной местности формы, а заплачка, представлявшая каждый раз индивидуальный круг обстоятельств, вызвавших притчу, была более подвержена изменениям, следовательно, она носила импровизационный характер.

И соотношение лирического и эпического начал в притчи неравномерно. Это часто зависит от региональной традиции притчевания. В. Г. Базанов, публикуя экспедиционные записи притчаний, сделанные во время войны, приходит к выводу: «Если печорская притча — притча монументальная, эпико-лирическая, спокойно-величавая; заонежская в основном — сюжетно-описательная (почти повесть в стихах), насыщенная драматизмом самих событий, то пудожская — по преимуществу лирическая притча, с мягкими задушевными тонами, почти элегия (элегический плач)» (ПС. С. 38).

Соотношение лирического и эпического в притчи зависит от событий, которые определяют повествование, а также, как мы видели, от обрядовой действительности. Эпический элемент усиливается в социально-бытовых притчаниях и в притчаниях, которые исполнялись во время хорошо развитых обрядовых актов (прощание с кра́сотой,²³ баня). Лирическое начало преобладает в притчаниях, связанных с оплакиванием близких людей (покойных родителей, рекрута), и в плачах, исполняемых в ритуальные моменты, которые отличаются неопределенностью обрядовых действий (притчания невесты во время предсвадебной недели, поминальная притча). При этом следует учитывать своеобразие лирического и эпического начала в притчи. Как мы пытались показать, особенность заключается в том, что и то и другое несет на себе в реальном бытении печать драматизма, что в свою очередь объясняется драматическим, а порой и трагическим характером ситуаций, в которых исполнялись притчания. В плачах нет отстраненных эпических повествований. Все происходящее, о чем притчала исполнительница, тесно связано с ее судьбой и отражено в ее эмоциональном настрое. Поэтому даже эпическая часть притчи проникнута особым лиризмом, все описания даны через призму восприятия исполнительницы.

Интересна судьба этого жанра именно с точки зрения изменения соотношения лирического и эпического начала в притчи. После революции вместе с разрушением обряда в притчаниях ослаб эпический элемент. Однако в момент общеноционального горя — в период Великой Отечественной войны, когда сли-

²³ Кра́сота — символ девичества в виде ленты, головного убора или украшенной елочки.

лись воедино и большое личное горе и горе всей страны, причеть возродилась даже без обрядовой основы. Записи В. Г. Базанова и А. П. Разумовой убедительно показывают, что в причитаниях военной поры эпический элемент был сильно развит.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что народная причеть в основе своей является лиро-эпическим жанром.²⁴

Однако обрядовые причитания, поскольку они тесно связаны с обрядом, содержат также и драматический элемент.²⁵ Во время причитывания невесты на девичнике реальные действия исполнительницы, диктуемые ходом обряда (невеста сдает красоту), организуют структуру и содержание причети. Невеста идет к красоте, которая лежит на столе. Девушке хочется, чтобы красота вернулась ей на голову. Может быть, вместе с красотой вернется к ней и девичья воля. Но подруги также причетом отвечают невесте: «Не умыто лицо белое».²⁶ Невеста просит мать умыть ей лицо (Соколовы. № 123). Мать умывает, и девушка снова просит красоту вернуться (Соколовы. № 124). Подруги причитают невесте, что красота к ней не вернется, так как у нее «не уцессана головушка, не заплетёна руса косынка» (Соколовы. № 125). Невеста просит мать учесать ей голову и заплести косу (Соколовы. № 126). Мать выполняет ее просьбу. Невеста снова идет к красоте. Подруги причитают:

Сдается красна красота
На твою буйну головушку,
Что угладилась, уладилась.
(Соколовы. № 127)

Брат одевает красоту на невесту, но она уже чувствует, что не бывать ей больше в девушках. Она обращается к отцу с матерью с просьбой посмотреть на нее:

Хоть на мине же красна красота,
Но не пристала, не приладилась
И не по старому, не по прежнему
На моей буйной головушке.

(Соколовы. № 128)

Здесь перед нами разворачивается как бы одна из сцен свадебной драмы. При этом общение невесты с другими участниками обряда происходит на языке причети.

В поминальных причитаниях, исполняемых во время воображаемой встречи с покойным в урочные дни (обычно на сороковой день после смерти), мы, так же как и в свадебных, видим, как драматургия обрядовых действий создает драматическое начало причети.

Сначала кто-то из близких отправлялся на кладбище приглашать умершего в гости. Так, например, дочь звала в гости покойную мать:

Ой, ты пойдем-ко ты, мамушка,
Ой, да со мной, со горюшицей,

²⁴ «Лиро-эпический жанр — смешанный вид стихотв. произв., к-рое соединяет в себе особенности лирич. и эпич. изображения действительности. Осн. структурно-композиц. примета лиро-эпического жанра — объединение сюжетности с передачей переживаний повествователя» (КЛЭ. 1967. Т. 4. Стлб. 215).

²⁵ «...Драма, фиксирующая речевые акты и их эмоционально-волевой устремленности и социально-психол. характеристики, в их внутр. свободе и внеш. обусловленности, т. е. в их двойственной экспрессивно-сюжетной соотнесенности, позволяющей видеть в этом роде литературы слияние черт лирики и эпоса» (Литературный энцикл. словарь. С. 329).

²⁶ Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. № 122. (Далее сокращенно: Соколовы).

Ой, да во гости, во гостеньки,
Ой, да ко мне, ко горюшице,
Ой, да хоть на суточки времечко!

Возвращаясь с кладбища, уже около дома причетница сообщала, что она ходила звать в гости покойную мать:

Ой, что я ходила, горюшица,
Ой, на крутую могилушку,
Ой, на желтые песочики.
Ой, да я звала-то ведь мамушку,
Ой, да я звала ведь родимую,
Ой, да во гости, во гостеньки.

Уже в избе, когда все гости садились за стол, приглашали за стол и покойную:

Ой, ты садись-ко ты, мамушка,
Ой, да садись-ко, родимая,
Ой, за столы белодубовы,
Ой, да за скатерти клитчаты,
Ой, да ко мне, ко горюшице!

Покойную угощали. Причетница рассказывала, как она тосковала и горевала без матери. Когда гости уже вставали из-за стола, дочь снова обращалась к покойной матери:

Ой, у родимою мамушки,
Ой, полны чашки простбёны,
Ой, сухи ложки пролёжены,
Ой, не попила, не покушала!
Ой, ты, родимая мамушка,
Ой, ты на что осердилась,
Ой, ты на что огневилась,
Ой, на меня, на горюшицу?

Умершую провожали также причетом:

Ой, что пошла родна мамушка,
Ой, из высокого терему,
Ой, во ограды широкие,
Ой, да по частым, мелким лисенкам,
Ой, на широкую улицу!²⁷

По существу причеть в данных примерах точно обозначает контуры обряда. В свою очередь, обрядовая сущность определяет содержание причети.

Таким образом, мы видим, что в обрядовой причети сочетаются лирическое, эпическое и драматическое начала. Значит, прав был А. Н. Веселовский, когда писал о синкретизме причитаний. Бытовая причеть уже утратила драматургию, свойственную обрядовым причитаниям. Да и в самой обрядовой причети шел постепенный разрыв тесной связи причети и обряда, поэтому причитания все же следует отнести к лиро-эпической поэзии.

Трудно согласиться с мнением В. Я. Проппа и Т. И. Орнатской о том, что свадебные, похоронные, рекрутские и бытовые причитания представляют собой разные жанры обрядовой поэзии. С нашей точки зрения, причитания являются одним поэтическим жанром, хотя и соотношение основных начал в них (эпическое, лирическое и драматическое) может достаточно сильно колебаться.

²⁷ Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. М., 1980. № 12. С. 106—107. (Далее сокращенно: Ефименкова).

Все причитания возникают на общей основе переживания человеком каких-то драматических событий. Причеть передавала субъективные переживания, выражала социальный протест (похоронные, социально-бытовые, рекрутские причитания). Повторяемость жизненных ситуаций помогла народным исполнителям создать общую форму выражения социальных чувств. Причеть строилась на естественной интонации протяжного плача. Исполнительница могла вскрикивать, прерывать причеть рыданиями, что выражало ее душевное состояние. Таким образом, основная функция причети — выражение человеческого горя, оплакивание своей участи.

Обряды семейно-бытового цикла, по определению франко-бельгийского фольклориста Арнольда ван Геннепа, относятся к группе обрядов перехода.²⁸ Ученый по сходству внутренней структуры предлагал считать ритуалами перехода обряды, сопровождающие всякую перемену места, состояния, социального положения и статуса. Структурное сходство приводило к близости образной системы причитаний разных обрядов. Примерно в одних и тех же словах звучит прощание с родной стороной от имени покойного:

Ой, да прощай час у мамушки,
Ой, высокой-от терем-от,
Ой, и деревня Калинино,
Ой, все леса те ведь тёмныё,
Ой, и поля те ведь чистыё!
Ой, прощай, милая родина,
Ой, все дружки и товарищи,
Ой, все любыё подруженьки,
Ой, все родныё и милыё,
Ой, да на веки на вешныё!

(Ефименкова. № 5. С. 96)

от имени рекрута:

Проштайсё да остá... ох... авайсе, дак
Деревнія та краси... ох... ивая, да
Сторона та люби... ох... имая, дак,
Все гульбишча и и... ох... игришча, да
Все подруги, това... ох... аришчи! Уж

(Ефименкова. № 75. С. 190)

от имени невесты:

Охти мне да тошнешенько!
Прошай-ко да оставайсе,
Сторона-та родимая!
Да деревнія-та красивая,
Да все годовы чесны праздники,
Все гульбища-те — игрыща
Да все качульки-те круглыє.²⁹

Жизнь в чужом доме для невесты и жизнь на чужой стороне для рекрута описываются так же, как и жизнь на том свете. Общие представления о свадьбе и смерти приводили к созданию близких поэтических образов, передающих переход невесты в другую социальную группу и переход покойного в другую форму бытия. Накануне свадьбы, на девичнике, невеста последний раз красуется в своей девичьей красоте и прощается с ней:

²⁸ Gennep Arnold van. The Rites of Passage. London, 1960.

²⁹ Едемский М. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии. СПб., 1911. С. 43.

Как сидит моя кра́сота поверх буйных головы,
По конец русы косы за один волос держится,
Уж как ростит красота гусиных перышка,
Как сейчас хочет красота спорхнути да улетети.³⁰

Уход покойного в похоронном причете, исполнявшемся перед выносом гроба из избы, также представляется как перелет:

Ой, ты крылышка изнаостила,
Ой, ты пёрышкá изнаводила —
Ой, как уж ты хочешь, голубушка,
Ой, ты вспорхнути да уйтити,
Ой, ты во могилу глубокую,
Ой, ты во жёлтые песочки!

(Ефименкова. № 17. С. 112)

Описание ухода красоты могло быть связано с древними языческими представлениями о смерти как цепочке зооморфных превращений.³¹

Как пошла моя красна красота
По избé она лисицюшкой.
По чисту полю куницюшкой,
А по зáполю то заюшкой,
А по лéсу горностаюшкой.
Как подошла моя кра́сна красота
Она ко быстрой то ко рициньке,
Она села в лежку лодоцьку,
Она уехала за рициньку.

(Соколовы. № 121. С. 348—349)

В похоронных причтаниях мы также встречаем наличие аналогичных формул зооморфного перевоплощения. В причтании «О дочке, расстрелянной фашистскими захватчиками» вспленица просит покойную дочь о встрече. Мать не удивит и не испугает приход покойной в виде животного:

А когда пойду я на трудную работушку,
Ты из-под кустика высокчи серым заюшком,
Из-под камешка повыпрыгни горностаюшком,
Хоть лихим зверем выды на широку путь-дороженьку
Не убоюсь ведь я, кручинная головушка.

(ПС. С. 258)

Исследуя карельские причтания, которые, как известно, отличаются архаичностью, У. С. Конкка также приходит к выводу, что «у карел похоронные и свадебные причтания не отличаются друг от друга ни по поэтике, ни по напеву», «в свадебных и похоронных причтаниях имеется целый ряд одинаковых мотивов».³²

Необходимо отметить такую же близость и общность в распевах русской причети. Напевы похоронной и рекрутской причети близки, а иногда и схожи друг с другом. На свадьбе некоторые причты исполнялись на похоронный мотив. Например, причтания невесты-сироты или отдельные причтания предсвадебной недели. В некоторых регионах причтания на свадьбе исполнялись

³⁰ Протопопов М. Свадебные песни // Живая старина. 1903. Вып. 4. С. 510.

³¹ Подробнее см.: Калинина А. А. К вопросу об историческом развитии свадебного обряда (на материале Вологодской области) // Русский фольклор. Л., 1985. Т. 23. С. 222—223; Еремина В. И. Историко-этнографические истоки «общих мест» похоронных причтаний // Там же. 1981. Т. 21. С. 71—77.

³² Конкка У. С. Карельская свадебная причтальщица — «itkettäjä» (возбудительница плача) // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 241—242.

полностью на похоронный распев (Никольский и Бабушкинский районы Вологодской области, отдельные районы Карелии и Псковской области).

Много общего находим мы и в поэтическом строе причитаний, относящихся к разным обрядам.

При анализе различных причитаний выявляются тексты, разнообразные по своей структуре и композиционному типу. Среди обрядовых причитаний часто встречаются небольшие по объему тексты, развивающие только одну тему, чаще всего связанную с ходом обряда. Это может быть какая-нибудь просьба, выражение благодарности, сетование, совет, вопрос, приглашение, заклинание. Так, например, перед катанием рекрута сестра давала брату наказ-совет:

Ой, да
Голубочек ты си... ох... зенькой, да
Лебёдочек ты би... ох... ленькой, да
Цветочек баской я... ох... блучок, да
Мой родимой ты бра... ох... телко! Да
Накажу наказа... ох... нынё: да
Ты катайсе, мой бра... ох... телко, да
С деревий да и в дё... ох... ревню, да
Ты катайсе тихо... ох... шенько, не
Напивайсе пьяне... ох... шенько, не
Подымай ручки бе... ох... лыё ты
Поверх буйный го... ох (ловы).

(Ефименкова. № 72. С. 185)

После окончания рукобитья свату давали полотенце. Он уезжал домой, а невеста причитала, обращаясь к брату с просьбой:

Соколчик мой, братец миленький!
Запряги-тко доброю коня
Во саночки самокаточки;
Нагони-тко свата большого,
Отними да рукобитный плат, (т. е. полотенце)
Вороти-тко мою волюшку.³³

Композиция причети может представлять собой более или менее свободное соединение разных тематических звеньев. Для примера рассмотрим свадебный причет, записанный в Кадниковском уезде Вологодской губернии и исполняемый на образовке после проводов жениха, когда судьба невесты уже была решена.³⁴ Невеста обращалась с укором к отцу:

Скоро думушку удумал
Отдавать на чужу сторону
Меня молодешеньку.

Спрашивала совета у матери:

Ужо как я стану жить-поживать
На чужой-то на сторонушке...

Дальше следует общее место для просватальной причети: устоявшееся словесное выражение в традиционных поэтических образах, означающее, что невеста просватана:

³³ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах... СПб., 1900. Т. I. Ч. 2. № 1685. С. 518.

³⁴ Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890. С. 76.

Что не ключики-то брякнули,
Не замочки-то щелкнули,
По рукам-то ударили
Да меня запоручили
За поруки за крепкия,
За замки за железные
На чужу дальнию сторону,
На вековую досашницу,
На вековую разлушницу.

Невеста спрашивала родителей, что же им понравилось на чужой стороне:

Ли скотина рогатая,
Ли сусеки горбатые,
Ли соседки торватыя?

Девушка пыталась узнать, почему прогневались на нее родители, ведь она:

Не сусек хлеба выела,
Не другой испроторила,
Не безчесьце принялла.

Мы видим, как исполнительница легко переходит от одной темы к другой, как описание свободно сменяется лирическим сетованием. В одном тексте может прозвучать несколько тем, однако все они будут связаны с ходом свадебного обряда. Поэтому причитания, относящиеся к одному акту обряда, будут отличаться только выбором тем, относящихся именно к этому обряду, и порядком их соединения.

Такое же композиционное построение характерно для рекрутских и похоронных причитаний. Поминальный плач по отцу причетница начинает с повествования о своих действиях:

Ох! Ой, да
Уж я шла да кати... ох... ласе, я
Всё путём торопи... ох... ласе я
На погос(т) да на бу... ох... ёво, я
В божью церкву собо... ох... рную.

Вопленица рассказывает, что в соборной церкви в толпе народа она пыталась найти своего отца. Не найдя его, она отправилась к нему на могилу. Причетница обращается к силам природы со своеобразным заговором (это распространенный мотив для поминальной причети):

Из-за лесу ту тё... ох... много, да
Из-за моря-то си... ох... нёго ты
Накатись, туча гро... ох... зная, да
Перевала та си... ох... няя! Да
Росступись, мать сыра... ох... земля, да
Росколись, гробова... ох... доска! Да
Из-за моря-то си... ох... нёго, да
Из-за волоку да... ох... льного, да
Дуньте, ветры те бу... ох... йные! Да
Уж вы сдуньте, ветры... ох... буйны, да
Тонкоё полотё... ох... нышко у
Схожа красного со... ох... нышка, да
У корминеца ба... ох... тюшка, да
Со лица-то бума... ох... жного!

Дочь приглашает покойного в гости:

Ты пойдём-косу, ба... ох... тюшко, да
На родиму сторо... ох... нушку! Да
Без тебя жо ведь, ба... ох... тюшко, да

Тоскливо жить, неве... ох... село, да
 Наш стоит жо высок... ох... терем, да
 Весь столбами-то по... ох... дпёрсе, да
 Сиротами напо... ох... лнилсе!

Потом исполнительница спохватывается:

С того свету ту бе... ох... лого, да
 Не выходят-то вы... ох... ходци, да
 Не выносят-то вы... ох... ности, да
 Не приносят-то ве... ох... (сточки).

(Ефименкова. № 57. С. 167—168)

В поминальной и рекрутской причети уже нет такой определенной привязанности к обряду, как в свадебной, поэтому выбор тематических звеньев и их очредность зависят от региональной традиции и мастерства исполнителя.

Целый ряд причитаний отличается развитой сюжетной композицией. Сюда можно отнести плачи о вещем сне и об уходе красоты.

Большая эмоциональная напряженность причети определила особенности ее поэтического стиля. Поскольку причитали обычно на миру, при большом стечении народа, исполнительница нередко обращалась к присутствующим, поэтому в причитаниях так часто встречаются вопросительные и восклицательные конструкции. Внутреннее напряжение причети создается благодаря умелому использованию параллелизма, при помощи которого нанизывание семантически и структурно схожих образных выражений создает впечатление постепенного нагнетания эмоционального состояния. Антитеза является основным принципом организации образной системы причитаний. Вопленица противопоставляет свою и чужую сторону, свою жизнь до случившегося горя и в ожидаемом будущем.

Для причитаний, относящихся к разным обрядам и жизненным ситуациям, свойственны одни и те же поэтические приемы. Главным средством изображения в причитаниях является эпитет. Изобразительные эпитеты характерны для эпических описаний причети (столы дубовые, окно косящето, платье цветное). Определительные эпитеты относятся в основном к людям и отражают реальные отношения между участниками обряда (родимая матушка, кормилец-батюшка, порядовные соседи, двуродная сестрица). Наиболее многочисленны выразительные эпитеты, передающие отношение вопленицы к окружающим (доброта сердечна матушка; братец — тонкая тониночка, солнца половиночка; сват — злодей супостат).

Причитания зародились в ту далекую эпоху, когда человек одушевлял весь окружающий мир. Не случайно в образной системе причети сохранились столь яркие олицетворения дома скорбящего вместе с вопленицей, высоко художественные образы красоты, кики, горя и смерти.

Вот как в разных причитаниях изображался опечаленный дом.
 В свадебном:

Не по-старому стоит да не по-прежнему
 Косивчато любимое окошечко,
 При кручинушке косивчато окошечко,
 При обидушке хрустальное стеколышко,
 Принагнувши бела лавоцька,
 Знать, жалеющи невольной красной девушки.³⁵

В похоронном:

Стоит пеценька обидная,
 Стоят рамоцки пецальные,

³⁵ Архив МГУ. 1956. П. 1. Т. 14. № 1.

Околенки слезливые,
Во углах вдни ледоцеки,
На серодоцки сиротоцки.³⁶

В рекрутском:

Ой, как что и наш да высок терем,
Ой, уж он стоит, припеча... (лился),
Ой, уж он стоит, приугрю... (мился),
Ой, он при печали нахо... (дится),
Ой, ты, моя милая ла.... (душка),
Ой, ты собираешься, ла... (душка),
Ой, ты на войну на герма... (искую).

(Ефименкова. № 61. С. 172—173)

Таким образом, общая социально-бытовая функция притчаний, близость и общность распевов русской притчи, одинаковое композиционное построение и поэтические приемы позволяют нам считать притчания единым лиро-эпическим жанром.

Исторически сложилось и внутрижанровое деление притчи. Принято выделять следующие виды притчаний: похоронные и их разновидность поминальные, рекрутские, свадебные, социально-бытовые. В одной из последних работ, посвященных притчи, В. И. Харитонова, определяя восточнославянскую притчу как единый жанр, предлагает свою внутрижанровую классификацию притчи, основываясь на двух признаках — характер связи притчи и ритуала и специфика функциональности притчи. Автор выделяет следующие разновидности притчаний: 1) ритуально-функциональные — «притческие-формулы»; 2) ритуально-нефункциональные — «притческие-песни»; 3) нефункциональные — «притческие-импровизации». По мнению В. И. Харитоновой, «при общности формы исполнения, музыкально-песенного оформления, манеры гоношения, единства происхождения... общности социально-бытовой функции, глубинной структуры образов и художественных средств, используемых жанром, они различаются силой ритуализации в обрядово-ситуативном контексте, спецификой функциональных полей, композиционными формами, а также структурой текста, воспроизведением его тем или иным исполнителем».³⁷

В ходе авторского анализа четко прослеживается, что исследовательница разделяет притчу по целому ряду признаков: связь притчи с ритуалом, специфика функциональности, различие в композиционных формах и структуре текста, способы воспроизведения притчи. Определение различий по этим признакам ведет исследовательницу к интересным выводам о различной степени импровизации в притчаниях, о вариативности притчи, о разных уровнях профессионального мастерства исполнительниц. Но это еще не дает оснований для выделения внутрижанровых разновидностей. Неудачен и сам выбор терминов. Фольклористу трудно представить нефункциональные произведения народного творчества. Да и сама исследовательница понимает условность этого термина, но при этом нечетко его трактует. По ее мнению, функциональные притчания несут этико-коммуникативную, эстетическую функцию, нефункциональные представляют собой эстетический комментарий и выражение эмоционального состояния исполнительницы.

Связь притчи с ритуалом, безусловно, важный признак для классификации, однако «сила ритуализации в обрядово-ситуативном контексте» часто может зависеть от развитости и сохранности обряда. Известно, что в отрыве от конкрет-

³⁶ Русские плачи Карелии. № 28. С. 147—148.

³⁷ Харитонова В. И. Восточнославянская притча: Проблемы поэтики, типологии и генезиса жанра: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. С. 76—77.

ных обрядов и обрядовых ситуаций этот признак становится формальным, а определение степени ритуализации условным. В одном тексте зачастую встречаются композиционные звенья, разные по степени связи с обрядом. Например, приглашение в баню невесты часто следует после описания строительства бани или рассказа о том, как ее топили. По терминологии В. И. Харитоновой приглашение в баню будет причетом-формулой, а описание строительства и приготовления бани — причетом-песней. Да и сама исследовательница признает, что в обрядовой ситуации выделенные ею разновидности причети могут контаминировать, а следовательно, будут смешиваться и присущие этим разновидностям композиционные формы.

По-видимому, надо признать верным традиционно сложившееся внутрижанровое деление причети на похоронную, рекрутскую, свадебную и бытовую. Но это не означает, что причитания, относящиеся к похоронному, свадебному и рекрутскому обрядам, сходные по структуре обрядов, поэтическому и музикальному строю, не различаются тематически, по содержанию и системе образов. В каждом обряде выделяется несколько актов, которые сопровождаются причитаниями, присущими только этому моменту обряда, с определенным набором тем и устоявшихся словесных выражений.

В похоронном обряде после констатации смерти исполнительница спрашивает умершего, почему он покинул семью, просит его встать. В момент прихода в дом родственников и соседей, узнавших о случившемся, звучит горестный рассказ о подробностях смерти. При вносе гроба волепница благодарит сделавших гроб. При выносе гроба к покойному обращаются с вопросами: «Ты куда отправляешься?», «На кого ты нас покидаешь?». По дороге на кладбище звучит прощание от имени умершего с домом, деревней, родной стороной. При опускании гроба в могилу причетница обещает навещать могилу, просит покойного приходить в гости. При возвращении с кладбища изображаются мнимые поиски умершего в доме, представляется участь семьи покойного. В ритуальные дни (на 3-й, 9-й, 40-й день, годовщину и календарные — радуница, троица) существовала традиция навещать могилы родственников. В такие моменты исполнялась поминальная причеть, в которой покойного зазывали в гости, рассказывали о своей жизни без него.

На свадьбе во время первой, договорной части обряда невеста просит родителей не обольщаться обещаниями сватов, не отдавать ее замуж, напоминает о своем прилежании и трудолюбии в девичестве. Во время рукобитья, когда родители уже дали свое согласие, невеста упрекает родителей, просит расстроить свадьбу. В предсвадебную неделю невеста ездит в гости к родным попрощаться с ними, пригласить их на свадьбу. Во время обрядовой бани подруги приглашают невесту помыться, невеста после бани рассказывает, что она «много с себя спарила», что расставалась с красотой. На девишинке невеста красуется, ищет место для красоты, прощается с ней, повествует о том, как красота от нее ушла. В день свадьбы при утреннем бужении невеста рассказывает, какой ей приснился сон. При приближении поезда жениха и появлении поезжан в доме жених и поезжан сравниваются с грозной силой, грабителями. Невеста просит загородить им дорогу, оплакивает в последний раз девичество, прощается с родителями, родным домом, подругами, соседями, с родной стороной.

Рекрутский обряд не столь хорошо разработан, как похоронный и свадебный, однако и его сопровождают соответствующие причеты. В рекрутской причети повествовалось о горькой части призванного в армию или на войну, о его пути на чужую сторону и о солдатской жизни, от его имени прощались с домом, семьей, с деревней и родной стороной. Со своей стороны родные и близкие печалились о потере сына, брата или отца, об уходе работника и кормильца.

Бытовая причеть возникла как необходимость высказать свои мысли и чувства в связи с конкретным семейным горем: пожаром, неурожаем, разорением, болезнью. Обычно исполнительница описывала случившееся, а потом предсказывала, что ожидает ее и ее семью в будущем.

Определение жанровых границ и выявление сущности отдельных жанров — важная задача как для фольклористики, так и для литературоведения. Мы обратились только к одному жанру народного творчества, о котором еще не сложилось общее мнение в фольклористике. Конкретный анализ текстов причитаний показал, что синкетический характер причети позволяет отнести ее к лиро-эпической поэзии. Лирическое и эпическое начало в причети проявляется специфически: они проникнуты драматизмом реальных событий, вызвавших плач, а эпическое начало несет печать лиризма, что связано с исповедальным характером причети. Соотношение лирического и эпического может достаточно сильно колебаться и зависит от региональной традиции, от степени драматизма обрядовой ситуации, от уровня исторического развития причети.

Общность социально-бытовой функции причети, специфика ее структуры, содержания и поэтического строя, общий характер исполнения и музыкального оформления приводят нас к выводу, что причеть является единственным лиро-эпическим жанром. Связь причитаний с конкретным обрядом или бытовой ситуацией исторически выделила следующие разновидности причитаний: похоронные, рекрутские, свадебные и бытовые.